

В.Н. БУСЬКО

***ПРОБЛЕМЫ ПЛАНА И РЫНКА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ В 20-Е ГОДЫ***

Среди современных исследователей истории экономических учений признана плодотворность дискуссии о плане и рынке в экономической мысли СССР 20-х гг., годов НЭПа, допущении рыночных отношений в советскую экономику [1, 2]. Суть этой дискуссии, актуальной для стран с трансформационной экономикой, включена в программу курса.

*Виталий Николаевич БУСЬКО, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Национальной академии наук Беларуси.*

Предмет дискуссии сгруппирован для обсуждения следующих блоков вопросов.

1. Соотношение плана и рынка. Все советские экономисты исходили из того, что при НЭПе наряду с рыночной связью появляется новая — плановая. Основной спор шел об их соотношении, т.е. являются ли они антиподами, или же должны взаимодействовать, дополнять друг друга, способствуя развитию производительных сил. Это вызвало необходимость решения вопроса: являются ли содержанием плана объективные процессы производства, или же его содержание независимо от протекающих в экономике процессов. Сторонниками первого подхода были Н.Д. Кондратьев, В.А. Базаров, В.И. Громан, Л.Н. Юровский, Г.В. Сокольников, второго — С. Струмилин, Ю. Ларин, Г. Кржижановский.

2. Принцип планирования. Суть спора состояла в следующем: должно ли планирование исходить из сознательно поставленных целей или же из объективных условий развития, т.е. обсуждались телеологический (целевой) и генетический принципы. Иными словами, что ставить на первое место — цель плана или обоснование путей достижения цели. Сторонники целевого подхода считали волю революционного класса, партии и государства решающим фактором реалистичности плана. Генетики же исходили из того, что даже сбалансированный план может быть нереальным, если намеченная цель противоречит объективному ходу экономического развития. Поэтому они важное значение придавали учету в планировании тенденций развития в экономике, анализу долговременной эволюции, что привело их к отстаиванию метода предвидения. По мнению генетиков, движение к социализму возможно и осуществимо, но на основе внутренних экономических закономерностей.

3. Пропорциональность и равновесие в экономике. Суть спора состояла в том, на какой основе они достигаются, т.е. планом или рынком, что методологически далеко не одно и то же. Если целивики ставили на первое место план, то генетики — рынок с учетом планового воздействия.

4. Что должны экономические исследования — способствовать формированию равновесия в процессе движения к социализму или же содействовать насильственной ломке существующего эволюционного движения. Данный подход нашел проявление в вопросе об отношении экономистов к "старым", капиталистическим формам, и "новым", социалистическим формам в экономике.

Ставились ли перечисленные вопросы в экономической мысли БССР, а если ставились, то какова была позиция белорусских исследователей и каков был их уровень подготовки на общесоюзном фоне? В таком ракурсе в экономической литературе Республики Беларусь исследования еще не проводились. Организационная сторона и характеристика плановых разработок нашли отражение в работе Л.П. Черныша [3].

Впервые наиболее полно задачи плановой работы в БССР после перехода к НЭПу, на взгляд автора, сформулировал бывший белорусский народник А. Бонч-Осмоловский: "задача такого плана, — писал он в 1922 г., — должна состоять в том, чтобы из всего многообразия существующих и возможных форм и способов экономической деятельности населения выбрать такие и в такой последовательности, чтобы возможно скорее, с возможно меньшими затратами, воссоздать и организовать экономическую жизнь в Белоруссии на здоровом и устойчивом фундаменте" [4, 9]. Как видно, автор усматривал суть плана в определении крупной цели общественного развития, этапности на пути ее достижения и обеспечивающих механизмах. В его заслугу можно поставить проблемы оптимального пути через "выпуск-затраты", позволяющего обеспечить цель, признание альтернативности и необходимости из ряда возможных вариантов выбора наиболее предпочтительного. Примерно с тех же позиций и в тот же период времени к планированию подходил В.А. Базаров, что видно по его книге "К методологии перспективного планирования", изданной в Москве в 1924 г.

Особенностью экономической жизни СССР начала 20-х гг. являлось отсутствие монополизма и жесткой иерархичности в плановой деятельности. Помимо Госплана СССР, различные ведомства, прежде всего наркоматы финансов, земледелия, статистики разрабатывали плановые методы, которые выходили за рамки подведомственного характера и носили теоретико-методологический характер. Впервые в России это показал В. Мау [1].

Наркомат земледелия БССР в 1923 г. приступил к разработке перспективного плана восстановления и развития сельского и лесного хозяйства, которые явля-

лись ведущими отраслями в экономике республики. Философия планирования видна по основам, заложенным разработчиками этого плана (А. Смолич, В.И. Переход, И.А. Кисляков и др.): "с одной стороны, — анализ современного состояния белорусского сельского хозяйства и тех процессов, которые в нем происходят..., а с другой стороны, предварительно разработанная система сельскохозяйственной политики, которая должна была соответствовать основной задаче и целям советской власти в области сельскохозяйственного производства. В основу сельскохозяйственной политики был положен принцип развития производительных сил" [5, 8]. Сравним время составления плана и философию планирования с аналогичным планом в СССР "Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства", с 1923 г. разрабатываемым под руководством Н.Д. Кондратьева и Н.П. Огановского и одобренным на заседании Президиума Госплана СССР в 1925 г.¹

План Н.Д. Кондратьева содержал анализ прошлых и вероятных тенденций развития советского сельского хозяйства, указания на желательные направления его развития и мероприятия, осуществление которых способствовало бы приближению вероятного направления к желаемому. Сопоставляя эти планы, можно заключить о схожести философии планирования разработчиков белорусского плана с советским планом, что свидетельствует о существовании в экономической мысли БССР направления на видения плана и рынка, близкого взглядам Н.Д. Кондратьева и его сторонников.

Следует отметить еще 2 обстоятельства, связанных с предметом нашего исследования. Во-первых, это применение белорусскими авторами балансового метода и оценка его современниками. "Сама попытка построить перспективы развития на балансовой увязке достигаемых результатов этого развития является первой попыткой такого рода в плане строительства Союза и поэтому заслуживает особого внимания и оценки." — писал заведующий сельскохозяйственной секцией Госплана БССР Р.А. Бонч-Осмоловский [6, 61]².

Во-вторых, разработчики белорусского плана исходили из намеченных мероприятий в организации сельскохозяйственного рынка в БССР и путей накопления капитала, что также методологически сближало с идеями Н.Д. Кондратьева.

Особое положение сельского хозяйства приводило белорусских исследователей к пониманию плана как системы и программы мероприятий экономической политики по подъему производительных сил. Сельское хозяйство БССР в то время состояло из почти 800 тыс. единоличных крестьянских хозяйств (это на 4,5 млн чел.), развитие которых виделось ими в связи с рыночными отношениями и ростом товарности местного земледелия.

В середине 20-х гг. в связи с началом работ по охвату планом всего народного хозяйства в экономической мысли СССР обострились проблемы принципов и методов планирования, директивности плановых заданий и их реалистичности, способов вытеснения несоциалистических форм в советской экономике. Это совпало с ослаблением в партии позиций правых, сторонников дальнейшего развития НЭПа (уход с поста наркома финансов Г. Сокольников), возобладанием умеренных с нечеткими взглядами во главе с И. Сталиным и Н. Бухариным и при кажущемся поражении левых (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев), усилением в экономической политике административных методов управления.

Взгляды белорусских представителей на принципы планирования были видны по высказываниям председателя Госплана БССР С. Карпа, его заместителя, будущего первого академика АН БССР по специальности "экономика" И. Петровича и ответственного секретаря этого ведомства П. Балабанова, а также разработчиков первых контрольных цифр развития народного хозяйства республики (Г. Горин, Б. Архангельский, А. Шейнин, И. Петрович).

Анализируя суть существующих подходов, например, И. Петрович пришел к выводу, что не правы сторонники обоих направлений. Целевики, по его мнению, не считаются с реальностью, существованием рыночных отношений и "гипертрофируют планирование", тогда как генетики упускают из виду факт сосредото-

¹ Этот план до сих пор признается в западной экономической мысли одним из лучших в мировой практике прогнозов и является предметом изучения.

² Такая оценка применения в плановой работе балансового метода, очевидно, не случайна, ибо методология годового баланса, разработанная ЦСУ СССР под руководством П.И. Попова в 1923—1924 гг., была опубликована лишь в 1926 г. и большинство советских экономистов о ней не знали.

ния в руках государства командных высот в экономике, благодаря чему оно может ставить целевые задачи. "Наши планы, — писал он, — должны заключать как элементы устремления, так и предвидения. Комбинация этих элементов и должна стать содержанием наших планов" [7, 21]. Такой компромиссный вариант был принят и при составлении первых контрольных цифр развития народного хозяйства БССР.

Колебания и поиск оптимального планирования в условиях НЭПа также видны в решении И. Петровичем проблем финансового обеспечения планов. Анализируя итоги первого составления контрольных цифр, главным недостатком он назвал отсутствие в них финансового обеспечения плановых заданий. В качестве выхода он предложил составлять план в двух разрезах: производственном и финансовом, причем финансовый должен базироваться на производственном, сформулировав задачу составления финансового плана: "задача составления финансового плана выходит за пределы ведомственного наркомфиновского круга действий, он должен стоять перед всеми государственными органами" [8, 44].

Парадокс этого предложения состоит в том, что кредитная система как эффективный механизм регулирования экономики не приемлет жесткого планирования, т.е. кредитную политику нельзя привлекать к производственным программам. Ведь эти программы определяют конкретный объем выпуска продукции и исходят из возможности производства, а кредитование — из возможности сбыта. В результате предприятие может оказаться некредитоспособным, что приводит к расстройству денежной системы, нарушению равновесия между спросом и предложением. Предложение же И. Петровича по существу означало внедрение Госплана БССР в работу банков и наркомата финансов и тем самым гарантировало доступ планового органа к финансовым ресурсам. Так закладывались основы директивно-распределительных функций Госплана. В то же время И. Петрович отрицательно отнесся к рекомендациям С. Струмилина и Госплана СССР о допустимости использовать инфляционную эмиссию ничем неподкрепленных денежных знаков при планировании, понимая результаты такого решения.

Отмеченные противоречия проявились и в отстаивании И. Петровичем мысли о реалистичности планов, а также идее построения финансового плана на двух основах: учете и анализе национального дохода и определении приращения этого дохода в результате развития отдельных отраслей. Здесь речь шла о проблеме расширенного воспроизводства, связи при планировании национального дохода, накопления и инвестиций.

Неопределенность существовала в экономической мысли БССР и по принципу директивности планов. Так, заместитель председателя Госплана БССР Л.М. Бунин в 1926 г. считал, что если плановые задания будут иметь необязательный характер, то тогда зачем "огород городить", но нельзя, на его взгляд, полностью сковывать свободу действий субъектов хозяйствования. Отсюда вывод, что "план должен быть ориентировочным, но в некоторой степени обязательным" [9, 107]. Иными словами, еще шел поиск разумного сочетания обязательности плана и инициативы предприятий.

Указанную проблему попытался решить Б. Архангельский путем разграничения понятий "планирование" и "регулирование". Под планированием он понимал процесс составления плана, включая такие элементы, как цель, объект планирования и сроки, на которые составляется план. После же составления плана, по его мнению, наступает этап проведения в жизнь, для чего и нужно регулирование, которое "есть совокупность действий, целью которых является правильное проведение заранее разработанного плана" [10, 113]. В регулировании он уже видел элементы административных начал. Но кто должен осуществлять регулирование? Б. Архангельский обосновал, что его должны осуществлять не плановые органы, а соответствующие наркоматы и местные органы власти, ибо в "их руках находятся силы и средства для выполнения этой задачи". Здесь была поднята интересная проблема, а именно — основы регулирования, связанные с обладанием ресурсов и властных полномочий. Не случайно автор отрицательно отнесся к вмешательству плановых органов в деятельность наркоматов и исполкомов, считая объективным их отпор притязаниям Госплана на деятельность этих органов. Аналогично он подошел и к крестьянским хозяйствам — они, не имея никакого плана, лучше любо-

го планового органа разберутся, что и сколько им производить при тесной связи хозяйств с рынком.

Ситуация в экономической мысли СССР стала резко меняться с конца 1927 г., когда в партийном руководстве ослабли позиции группы Н. Бухарина и возросло влияние И. Сталина, отстаивающего усиление административных методов управления. С поражением же Н. Бухарина в 1929 г. дискуссии о плане и рынке практически завершились. Это проявилось и в БССР.

Если еще в середине 20-х гг. в экономической мысли БССР некоторые открыто высказывались, что с переходом к НЭПу вместо единого хозяйственного плана функции регулирования экономики переходят к рынку (такую точку зрения имел управляющий Белорусской конторой Госбанка СССР Ф. Володкович), то с конца 1927 г. речь уже шла о теоретическом обосновании свертывания рыночных отношений, переходе к директивному плановому руководству экономикой. Большая "заслуга" в этом принадлежала в тот период председателю Госплана БССР М. Карклину, его заместителю Г. Гольдштейну, доценту БГУ А. Шейнину, М. Минееву. Так, М. Карклин [И] усиление плановой дисциплины, переход на директивность плановых заданий объяснял необходимостью противодействия рыночной стихии и методам вытеснения несоциалистических элементов в республиканской экономике. Что же ложилось в основу реалистичности плана? "Контрольные цифры, — писал, например, А. Шейнин, — исходят из предпосылки, что основным методом социалистического строительства должна являться мобилизация всех творческих сил рабочего класса и ставка на энергию и волю трудящихся масс" [12, 21]. Этот аргумент в союзной печати наиболее активно в то время отстаивал С. Струмилин.

Теоретическое обоснование в соотношении плана и рынка в 1929 г. нашло отражение в работе М. Минеева [13], главная мысль которой о ведущем начале планового принципа регулирования советской экономикой. Он не отрицал, что когда имеются иные типы производственных отношений, план еще не абсолютен. По его мнению, с рынком как регулятором, особенно в крестьянских хозяйствах, государству еще придется считаться. Однако по мере установления новых форм связи между городом и деревней роль рынка будет уменьшаться, подтверждая это ростом колхозов, МТС, контрактации, т.е. рынок идет "к смерти". М. Минеев подверг критике Н. Бухарина, который вслед за Н. Кондратьевым рассматривает план как познавательный, пассивный процесс предвидения. М. Минеев задавал вопрос: если так судить о плане, то зачем тогда вообще план и планирование, ссылаясь на аргументы С. Струмилины, изложенные в книге "Индустриализация СССР и Эпигоны народничества". В противовес мысли Н. Бухарина о том, что усиление плановых начал ведет к свертыванию НЭПа, автор делал ссылку на В.И. Ленина, согласно которому НЭП вводится не навсегда, а до тех пор, пока не разовьется крупная промышленность. Поскольку же крупная промышленность в СССР встала на ноги, то, по М. Минееву, можно сворачивать НЭП и наступает период, когда "не рынок, а план будет хозяином жизни".

Формирование взглядов на сущность планирования, которые господствовали в советской, в том числе белорусской экономической мысли вплоть до конца 80-х гг., особенно видно по критике, появившейся в белорусской печати в 1929—1930 гг., в адрес подходов Н. Кондратьева и его сторонников. Так, Д. Чудновский [14], анализируя практику планирования в БССР, остановился на принципе развития производительных сил вообще, что по его мнению означает игнорирование социальных форм и содействие развитию капиталистических элементов. Смысл же планирования состоит в переводе системы на социалистические рельсы путем искоренения капиталистических форм в экономике. Автор считал, что белорусские плановики придерживались теории равновесия, разработанной Богдановым и Бухариным, ибо главной установкой для Госплана БССР являлось поддержание равновесия между развитием производительных сил и производственных отношений, а также отдельных отраслей народного хозяйства республики. Д. Чудновский попытался доказать и поддержку белорусскими плановиками теории В. Базарова о снижении темпов экономического развития, ссылаясь на разработанные Госпланом БССР контрольные цифры.

О месте и роли белорусской экономической мысли в общесоюзной дискуссии о плане и рынке, на взгляд автора, можно судить по тому, что в центральной печати

и на 1-й Всесоюзной конференции аграрников-марксистов (1929 г.), проводимой под непосредственным руководством И. Сталина, БССР была названа главным "бастионом" (среди всех союзных республик) пропаганды буржуазных идей Н. Кондратьева (в тогдашней советской экономической мысли все "буржуазное проявление" о плане и рынке отождествлялось в основном с именем Н. Кондратьева). Это было показано на примере анализа методологии составления перспективных планов развития сельского и лесного хозяйства БССР [15, 16, 17]. Очевидно, не случайно уже в конце 20-х гг. значительная часть плановых работников БССР была репрессирована, среди них А. Смолич, И. Кисляков, Г. Горещкий, С. Жданович и др.

Таким образом, белорусские экономисты 20-х гг. активно участвовали в общесоюзной дискуссии о плане и рынке и ими поднимались те же проблемы, что и советскими экономистами. В то же время следует подчеркнуть сильные позиции в экономической мысли БССР сторонников идей Н. Кондратьева. С определенной долей уверенности можно утверждать, что на это повлияли взгляды тогдашнего руководства республики в лице главы государства А. Червякова, Первого секретаря ЦК КП(б) А. Криницкого и главы правительства И. Адамовича, которые были близки взглядам Н. Бухарина.

Литература

1. *Мау В.* Реформы и догмы. М., 1993.
2. *Маневич В.Е.* Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989.
3. *Черныш Л.П.* Становление планирования народного хозяйства Белорусской ССР. Мн., 1982.
4. *Бонч-Осмоловский А.* К вопросу о возрождении экономической жизни в Белоруссии // Народ, хоз. Белоруссии Мн., 1922. № 6.
5. Перспективный план восстановления сельского и лесного хозяйства БССР // Бюл. Госплана БССР. Мн., 1925. № 1.
6. *Бонч-Осмоловский Р.* О перспективном плане восстановления и развития сельского и лесного хозяйства БССР // Совет, ст-во. Мн., 1926. № Ю.
7. *Петрович И.* Первый съезд президиумов Госпланов // Совет, ст-во. Мн., 1926. № 4.
8. *Петрович И.* Основные задачи в финансовой работе // Совет, ст-во. Мн., 1926. № 1.
9. *Бунин Л.М.* О задачах и структуре окружных плановых комиссий // Совет, ст-во. Мн., 1926. № 8-9.
10. *Архангельский Б.* К итогам совещания окружных плановых комиссий // Совет, ст-во. Мн., 1926. № 10.
11. *Карклин М.* От предварительного плана к построению перспективного плана // Совет, ст-во. Мн., 1928, X? 3-4.
12. *Шейнин А.* Основные элементы контрольных цифр народного хозяйства БССР на 1929-1930 гг. // Совет, ст-во. Мн., 1929, № 7-8.
13. *Минеев М.* О НЭПе, рынке и правом уклоне // Совет, ст-во. Мн., 1929, № 9.
14. *Чудноусм Д.* Мэтадалопя шкодшцтва // Совет, ст-во. Мн., 1930, № 10—12.
15. На Всесоюзной конференции аграрников-марксистов // На аграрном фронте, М., 1930. № 2.
16. *Ганин А.* Подрывная работа кондратьевцев в БССР // На аграрном фронте, М., 1930. № 10.
17. Труды 1-й Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М., 1930, Т. 1.